

Со своим уставом в мужской монастырь

«О, преподобне и богоносне отче наш Данииле, всемирне к тебе припадаем и тебе молимся: не отступай от нас духом твоим, но всегда поминай нас во святых и благоприятных молитвах твоих к Господу нашему Иисусу Христу...» — слова этой тихой молитвы звучат сегодня ежедневно и еженощно не только во время службы в Троицком соборе, главном храме Троицко-Данилова мужского монастыря, но и в аскетичных кельях, где обитают его насельники.

Их немного — всего 15 человек. Да и сам монастырь выглядит как бедный родственник на фоне ближайшего соседа — отреставрированной Никольской женской обители. Возможно, это следствие закрытой от внешнего мира политики монастыря и его нынешнего настоятеля отца Иоанна. За пять лет пребывания на этой службе он впервые согласился встретиться с корреспондентом светского издания, но, несмотря на предварительную договорённость, едва не отменил интервью, увидев, что журналист — женщина. Общение с лицами другого пола в монастыре под строжайшим запретом. Я убедилась в этом лично: увидев, что настоятель беседует с женщиной, насельники монастыря просто превращались от изумления в соляные столбы. «Ступай, брат, не бойся, — махал рукой отец Иоанн. — Это я интервью даю». — И неодобрительно косился на мои джинсы. «Я их гоняю за такие беседы, а тут сам подаю дурной пример».

Впрочем, не поощряется в монастыре и просто общение как таковое с кем бы то ни было. Так повелось исстари, со времён первого настоятеля и основателя этой обители. В «Житии преподобного игумена Даниила Переяславского чудотворца» о том повествуется отдельно: «Он требовал, чтобы после вечернего правила никто не вёл праздных разговоров, но пребывал в безмолвии и в меру предавался сну. «Не следует, брат, без крайней нужды нарушать в монастыре безмолвия и вести разговоры в кельях и во всяких службах, а надобно в тиши помышлять о душе», — так однажды вразумляя мудрый игумен провинившегося послушника».

Игнорировать мою принадлежность к другому полу игумен так и не смог, беседа шла в рваном темпоритме: на большинство вопросов отец Иоанн отвечал более чем лаконично: «Да», «Нет», «Не знаю», «С Божьей помощью». Очевидно, наша беседа попала как раз под категорию «без крайней нужды».

Сам настоятель оказался в обители по служебному переводу. «У нас как в армии, вопросов задавать не принято. Раз переводят, значит, так Богу угодно». До этого он служил в Ростовском районе, в обустроенном приходском храме, который, несмотря на все тяготы, свалившиеся на церковь в годы воинствующего атеизма, никогда не закрывался.

— Выходит, вы перешли с лучшего места на худшее? — интересуюсь я.

— У нас нет такого понятия, что лучше, что хуже, — отвечает отец Иоанн. — Раньше я был один, здесь — люди в подчинении. Конечно, есть ряд трудностей, связанных с управлением монастырём.

Данилов монастырь сейчас находится в периоде возрождения к жизни. Первые насельники появились здесь году в 95-м. До этого в полуразрушенном келейном корпусе проживали пятеро жильцов, относящиеся отнюдь не к самому социально благополучному слою населения. «Не было ли проблем с их выселением?» — интересуюсь у настоятеля. «Нет, — отвечает, — не было. В прошлом году администрация города помогла выселить одного жильца

инвалида Валентина Александровича Мальцева...» «А остальные как же?» — «Остальные к тому времени умерли».

Если посмотреть со стороны, то покажется, что жизнь здесь едва теплится. Пустынно, тихо, редкий прохожий или прихожанин войдёт в монастырскую ограду. Трудно поверить, что эта обитель, основанная в 1508 году при поддержке великого князя Василия II, на протяжении нескольких столетий была одной из самых богатых в Переславле. Годы забвения сделали своё чёрное дело. Но ростки возрождения уже заметны. Восстановлен келейный корпус, появился купол над храмом. Какие-то работы выполняются квалифицированными мастерами (когда находятся средства), но в основном обитателям монастыря приходится обходиться своими силами. Силы их, конечно, невелики. На вопрос о привлечении спонсоров и активизировании программы целевого финансирования отец Иоанн лишь разводит руками. «Мы, конечно, пытались что-то сделать, подавали заявку на участие в программе «Культура России», но нас в неё не включили. Говорят, что там выделяют средства лишь на те объекты, восстановление которых уже началось». — «А нельзя ли как-нибудь продвинуть решение этого вопроса через епархию?» — «Не знаю, всё в Божьей воле».

А между тем при разумной PR-кампании Данилов монастырь мог легко зарабатывать средства не только на жизнь, но и на восстановление. Древнейшее здание — Троицкий собор, сооружённый по велению Василия III в память рождения сына Ивана, будущего царя Ивана Грозного, знаменит прекрасно сохранившимися фресками, выполненными во второй половине XVII века костромскими живописцами во главе с Гурием Никитиным и Силой Савиным. После войны в монастырских стенах был лагерь военнопленных, позднее — расквартирована воинская часть. Сейчас сложно объяснить мотивацию тогдашних хозяев, доблестных воинов Красной армии, но лики святых испещрены выбоинами от выстрелов. То ли гусарили от вседозволенности, то ли соревновались в меткости. Отец Иоанн заметил: «Вот вы всё про легенды, связанные с обителью, спрашиваете, так вот вам такая информация к размышлению. Утонули тогда в пруду те, кто посмел с оружием войти в храм Божий. А случайность ли это или возмездие за содеянное зло — вам судить».

Данилов монастырь находится в двойном подчинении: оперативное руководство возложено на Горицкий музей-заповедник, а заселена обитель на основании соглашения о совместном использовании с епархией. Учитывая всё возрастающий поток туристов в Переславский край и распространение сегодня такого направления туризма, как паломничество, организованные экскурсии в Троицкий собор могли бы стать постоянным источником средств, и средств немалых. Фрески, безусловно, привлекли бы и любителей старины, и ценителей прекрасного, и верующих. Но здесь камнем преткновения является... монастырский устав. По словам отца Иоанна, храм открыт для посетителей, «но мы не можем пускать всех подряд». Причина такой избирательности — современные женские наряды. «Нам надо завести фонд юбок и головных платков, дабы перед входом в храм туристки принимали соответствующий православным традициям облик, — рассуждает настоятель. — А пока мы можем только ругаться и изгонять из храма тех, кто демонстрирует своё явное неуважение к нашему уставу неприличным видом». Трудно найти в такой ситуации компромисс. Похоже, не пришли к единой точке зрения и мы с отцом Иоанном. На мой довод, что туристы — это живые деньги для нужд обители, отец Иоанн отрезал: «Не всё меряется деньгами, тем более в монастыре».

Сославшись на неотложные дела, отец Иоанн попросился со мной, разрешив напоследок побродить по монастырю. Я присела на нагретую солнцем могильную плиту около аккуратненькой и ладненькой одноглавой Всесвятской церкви, открыла подаренную мне книжицу о житии преподобного игумена Даниила. На глаза попались строки, где игумен Никитского монастыря Иона поучал отрока Даниила, отданного ему «для завершения образования и усвоения добрых обычаев»: «Не ищи, человеце, мудрости, ищи кротости. Если обрящешь кротость, одолеешь и мудрость. Не тот мудр, кто грамоте умеет, а тот, кто много добра творит. Люби доброту больше мудрости». Непреходящие ценности, но как трудно они согласовываются с реалиями сегодняшнего дня. Сама жизнь входит со своими правилами в чужой ей монастырский устав. И чем скорее будет найден компромисс, тем больше шансов, что культурное наследие наших предков будет сохранено и для наших потомков.